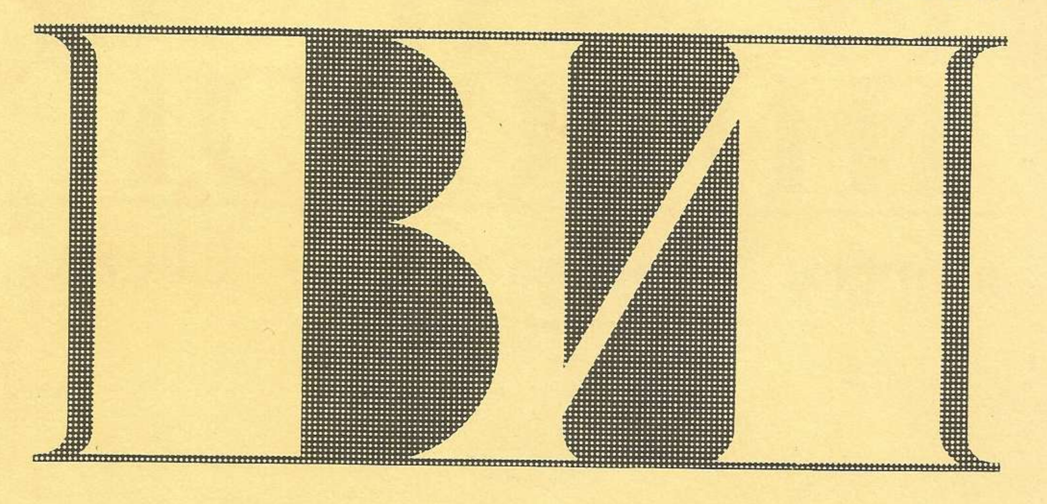
ISSN 0042-8779

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

9

2010

К вопросу об обещании шаха Аббаса I уступить Московскому государству Дербент, Баку и Шемаху

Ф.А. Гусейн

Шах Аббас I (1587—1629), сменивший на сефевидском престоле своего отца шаха Мухаммада Худабенде (1578—1587), возглавил государство, когда оно находилось на грани распада. Распри кызылбашских эмиров, мятежи и неповиновение центральной власти самозваных властителей, развал экономики — с одной стороны, затяжные войны и значительные территориальные потери в результате вторжения соседних государств — с другой, привели азербайджанское государство Сефевидов к катастрофической черте [1]. Взяв бразды правления в свои руки, молодой и энергичный шах Аббас I с самого начала своего правления проявил черты сильного волевого правителя. Задавшись целью восстановить Сефевидское государство в прежних границах, шах Аббас I, которому при ограниченности средств приходилось «расставлять приоритеты в деле решения столь многочисленных и серьезных проблем» [2], сначала взялся за налаживание порядка внутри государства. Добившись установления стабильности путем жесткого и даже жестокого подавления всяческого неповиновения, а также реформирования военной и административной систем, кызылбашский правитель обеспечил себе возможность выполнить свою главную миссию — возвращение отторгнутых от Сефевидского государства в различное время земель. Методично добиваясь этой цели с использованием как военных, так и дипломатических средств, шах Аббас I в течение своего сорокадвухлетнего правления отвоевал Хорасан у узбекского государства Шейбанидов, Азербайджан и Ирак Арабский (позже вновь занятый османами) у Османской империи, а при поддержке англичан — порт Ормузд у португальцев [3].

Вместе с тем в исторической литературе с именем шаха Аббаса I связывается вопрос о согласии уступить Московскому государству азербайджанские города Дербент и Баку (впоследствии этот список пополнился и Шемахой) взамен заключения антиосманского союза и предоставления русскими военной помощи для борьбы с турками. Это обстоятельство разительно противоречит всей государственной и внешнеполитической деятельности шаха Аббаса I и заставляет разобраться в этом историческом казусе.

Гусейн Фарах — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Национальная Академия наук Азербайджана, Институт истории им. А.А. Бакиханова.

В вопросе уступки прикаспийских городов Московскому государству существенным является то, кем он был инициирован, поскольку это позволяет выявить истоки проблемы. Следует отметить, что данный вопрос стал предметом дипломатических сношений в русско-сефевидских отношениях еще до прихода к власти шаха Аббаса I. В 1587 г. в Москву от имени шаха Мухаммада Худабенде прибыл Ханы-бек (в русских источниках его именуют Анди-беком), который, как свидетельствуют русские источники, и предложил Москве от имени сефевидских властей эту сделку.

В русской историографии об этой миссии впервые упоминает Н.М. Карамзин. Он пишет, что «Шах Годабенд (Худабенде. — *Ф.Г.*) предложил ему (царю Федору. — *Ф.Г.*) изгнать турков из Баку и Дербента, обязываясь уступить нам в вечное владение сии издавна Персидские города, если и сам возьмет их» [4].

П.П. Бушев, посвятивший основательный труд истории дипломатических отношений между Московским и Сефевидским государствами, на основе тщательного изучения архивных документов утверждает, что в фонде № 77 ЦГАДА «Сношения с Персией» материалов относительно того, о чем и какие переговоры вел Хады-бек в Москве не сохранилось [5]. Не сохранилась, очевидно, и грамота шаха Мухаммада Худабенде к царю Федору, на которую ссылается Карамзин. Бушев полагает, что Карамзин основывался «очевидно, на каких-то фондах Посольского приказа — то ли польско-литовского, то ли австрийского». Он также апеллирует к С.А. Белокурову, который на основании материалов фонда ЦГАДА «Сношения с Грузией» за 1587 г. сообщает о прибытии к царю гонца Анди-бека от кызылбашского шаха Худабенде: «...а в грамоте шах писал, чтоб Государь был с ним в дружбе и в любви и в ссылке, как были отцы их и деды и прадеды» [6]. По поводу этого сообщения Бушев справедливо замечает, что «в грамоте шаха [7] нет ни слова о совместных военных действиях против турок и об обещании шаха за военную помощь передать Русскому государству Дербент и Баку, как об этом пишет Н.М. Карамзин» [8].

Таким образом, прямых письменных документов, которые бы свидетельствовали, что предложение военного союза на условии уступки русской стороне Дербента и Баку исходило непосредственно от сефевидского шаха, не сохранилось, если таковые вообще были. Эти утверждения основываются в лучшем случае на косвенных документах, на документации последующих дипломатических миссий, осуществлявшихся между двумя государствами. Прежде всего, это русское посольство во главе с Г.Б. Васильчиковым (1588—1589) и посольство от сефевидского двора во главе с Бутак-беком и уже упоминавшимся выше Хады-беком [9] (1589—1590). Данные этих источников, в частности документов, отражающих содержание переговоров Бутак-бека с представителями московских властей, свидетельствует, что русская сторона, ссылаясь на Хады-бека, относила инициирование этого предложения к сефевидской стороне, хотя последняя это оспаривала. Видимо, именно эту косвенную документацию имел в виду и Бушев, когда писал, что «достоверность предложений Анди-бека о Дербенте и Баку доказана документально, а о военном союзе может быть подтверждена только косвенно» [10]. Но эти же источники как раз свидетельствуют, что вопрос инициирования уступки городов Ширвана на первых порах серьезно оспаривался сефевидской стороной. Тем не менее, ряд авторов, основываясь именно на посольстве Хады-бека, также приписывают инициирование вопроса возможной уступки прикаспийских городов шаху Мухаммаду Худабенде, или же его преемнику шаху Аббасу I [11].

Бутак-бек, прибывший в Москву в мае 1590 г. в сопровождении Хады-бека, в переговорах с русскими боярами «пытался опровергнуть факт инициативы иранской (сефевидской. — *Г.Ф.*) стороной вопроса военного союза

против Турции», на что, по словам Бушева, указывает и иранский историк Моэзи. Отмечая также, что «посол Бутак-бек не остановился перед дезавуированием предыдущего шахского посла, своего товарища по посольству — Анди-бека». Он обвинил переводчиков русской стороны в неправильном переводе его речи, сказав, что посланник Анди-бек «говорил не по государя нашего веленью, или толмачи не умели вытолмачить [правильно]...» [12].

На это московские бояре заявили Хады-беку, что во время приема в ответной полате [13] в ходе его первого визита в Москву он от имени шаха предложил русскому царю союз против «недругов» и просил прислать войско с «вогненным боем», потому что шах намерен отвоевать у турок города Дербент, Баку, Шемаху, Ширван, а, отвоевав, уступить русским Дербент и Баку, а остальные взять себе [14]. Под давлением русской стороны Бутак-бек, по замечанию Бушева, «безответственно» заявил, что шах Аббас готов уступить русскому государю не только эти два города, но и прочие города, занятые турками [15].

Таким образом, вышеназванное предложение было сделано Хады-беком в ходе своего первого визита в Москву в устной форме, в грамоте же шаха, как отмечает Бушев, ничего по этому поводу не было. Отсутствие письменного свидетельства того, что инициатива заключения антиосманского военного союза на условии уступки Московскому государству Дербента и Баку исходила от сефевидской стороны, можно было бы объяснить широко распространенной в то время дипломатической практикой, когда ценная информация во избежание ее попадания в руки третьей стороны не фиксировалась письменно, а передавалась посланником на словах, в данном случае через гонца Хады-бека. В сложившихся на тот момент условиях опасения подобного рода были вполне оправданны, поскольку послы, которым часть пути из Сефевидского государства до столицы Московского государства приходилось преодолевать по Каспийскому морю, могли быть схвачены османами, также получившими доступ к акватории Каспийского моря после завоевания ими Ширвана в последней четверти XVI века. Однако обстоятельства, связанные с миссией Хады-бека, дают основание полагать, что отсутствие письменного свидетельства об уступке Московскому государству азербайджанских городов, сделанной Хады-беком от имени шаха Мухаммада Худабенде, объясняется не столько соображениями конспирации, сколько тем, что у сефевидских властей, по меньшей мере не было четкого намерения отказываться от названных городов в пользу северного соседа.

О сомнительности того, что инициатива уступки Московскому государству Дербента и Баку взамен заключения антиосманского военного союза исходила непосредственно от сефевидского двора, свидетельствует эпизод, описанный Васильчиковым — главой русской делегации, которую царский двор, воодушевленный посольством Хады-бека, спешно снарядил в столицу Сефевидского государства. Этот эпизод свидетельствует о том, что у Хады-бека были серьезные опасения относительно реакции сефевидских властей на проведенные им в Москве переговоры. Васильчиков, выехавший в Казвин одновременно с Хады-беком весной 1588 г., в своем статейном списке подробно повествует о том, что в пути они с Хады-беком решили составить отчет о его миссии в Москве для представления шаху Аббасу I, пришедшему к власти в Сефевидском государстве как раз в период пребывания Хады-бека в Москве. Между Хады-беком и Васильчиковым разгорелся спор именно по поводу того, о чем велись переговоры в Москве и об условиях заключения русско-сефевидского союза. По словам Васильчикова, Хады-бек предлагал написать, что шах Мухаммад Худабенде посылал его к русскому царю с предложением выслать войска в Дербент и Баку с тем, чтобы совместно с сефе-

видскими войсками отвоевать их, а после уступить их сефевидскому шаху. Васильчиков резко возразил на это, заявив, что на приеме у русского государя не было и слова о том, что после взятия городов русский царь должен будет передать их шаху [16].

Из изложения Васильчикова выясняется, что Хады-бек, узнав о восшествии на престол в Сефевидском государстве шаха Аббаса I, пытался отказаться от того, о чем заявлял от имени шаха Мухаммада Худабенде на приеме у царя Федора. Бушев объясняет перемену в позиции Хады-бека тем, что тот «не знал примет ли новый шах Аббас линию отца в отношении уступки Москве Дербента и Баку. «Поэтому, когда 14 сентября 1588 г. в беседе с русским посланником Васильчиковым зашел разговор о донесении Анди-бека шаху Аббасу с отчетом о его посольстве в Москве, Анди-бек хотел обезопасить себя от случайностей. Васильчиков понял это и обрушился на него с упреками, разоблачив его попытку извратить суть московских переговоров» [17].

Столь странное поведение Хады-бека создает впечатление, что предложение заключения военного союза с Московским государством на условии уступки ему прикаспийских городов было на самом деле некоей авантюрой, которая, по всей видимости, была затеяна определенными кругами «за спиной» сефевидских властей. Выражаясь конкретнее, Хады-бек, прибывший в Москву как представитель сефевидского двора, воспользовавшись своей миссией, выражал интересы какой-то определенной группы, которая в условиях анархии в кызылбашском государстве пыталась проводить закулисную игру.

Возникает вопрос: чьи в действительности интересы представлял Хады-бек и кому был выгоден военный союз с Московским государством именно на условии уступки Дербента и Баку, что фактически означало утверждение Московского государства в прикаспийском регионе?

Обратимся к личности Хады-бека. Известно, что он был племянником влиятельного гилянского купца Хаджи Хасана, неоднократно бывавшего в Астрахани [18] и являвшегося доверенным лицом гилянского правителя Ахмед-хана. С учетом событий, происходивших в рассматриваемый период в Гиляне и сепаратистской политики правителя этой области Ахмед-хана, появление при московском дворе в смутный для кызылбашского государства период представителя гилянских властей не кажется случайностью.

Гилянские правители в стремлении к самостоятельности и противостоянии центральной власти всегда искали поддержки иностранных государств [19]. При шахе Мухаммаде Худабенде, воспользовавшись феодальной междоусобицей и ослаблением центральной власти правитель Гиляна из династии Кия Ахмед-хан объявил себя независимым правителем.

Ориентация гилянских властей на Москву в рассматриваемый период была обусловлена, прежде всего, экономическими интересами. Гилян в те времена являлся одним из основных производителей самого ценного экспортного товара — шелка-сырца и самой богатой провинцией Сефевидского государства. С активизацией международной торговли по Волжско-Каспийскому пути значение и место Гиляна значительно усилилось, и у гилянских купцов появилась возможность вести торговлю с западными странами напрямую. Царское правительство, ревниво относившееся к установлению непосредственных торговых сношений между странами Европы и Азии через Волжско-Каспийский путь в ущерб интересам своей казенной торговли, вытеснив Английскую Московскую компанию [20] и обеспечив тем самым себе монопольное право осуществления торговли с восточными странами по этому маршруту, превратилось в главного торгового партнера для Сефевидского государства, в частности, Гиляна. В Астрахани — главном транзитно-перевалочном пункте европейско-азиатского торгового тракта наряду с бухарским,

индийским гостиными домами функционировал и гилянский. Таким образом, к последней четверти XVI в. торговая деятельность между двумя государствами приобрела достаточно оживленный и налаженный характер. Все это сулило гилянским правителям большие экономические выгоды.

Но ситуация изменилась, когда Османская империя в ходе османо-сефевидской войны 1578—1590-х гг., заняв практически весь Южный Кавказ, укрепилась в Ширване. Утверждение в регионе третьего государства ущемляло интересы и русской, и сефевидской сторон, особенно было невыгодно Гиляну — появилось реальное препятствие для прямых торговых контактов с русскими купцами. Затянувшиеся османо-сефевидские войны кроме всего прочего привели и к нарушению нормального функционирования торговых путей, росту разбоя и грабежей на караванных путях [21], а из-за участившихся нападений пиратов на купеческие суда приходилось плыть вдоль восточных берегов, малонаселенных, неудобных и опасных.

В сложившейся ситуации для гилянских правителей было бы выгодно, чтобы прикаспийский регион был под контролем Московского государства.

Возможно Хады-бек, прибывший в Москву как посланник сефевидского двора, предлагая русской стороне уступку прикаспийских городов Дербента и Баку взамен заключения антиосманского союза, действовал по поручению гилянских властей. В пользу такого предположения свидетельствует упрек Васильчикова, в сердцах брошенный Хады-беку в момент обиды за «великие бесчестья», учиненные в Гиляне в отношении русского посольства людьми Ахмед-хана, когда они препятствовали проезду русского посольства в Казвин и под различными предлогами без каких-либо серьезных причин задержали русское посольство на целых два месяца [22]. Тогда Васильчиков заявил Хады-беку буквально следующее: «государь ваш Ахмет-хан не хочет меж великого государя нашего царского величества и шахова величества братства и дружбы и любви... А мы начаялись, что ты прямой кызылбашской земли прироженец, а ты гилянской земли человек..., и нам ся кажет, что ты приходил к государю нашему к его царскому величеству з безделием [23].

Если предположить, что в инициировании вопроса уступки Московскому государству азербайджанских городов изначально были замешаны сепаратистски настроенные гилянские власти, то возникает вопрос: почему сефевидская сторона, поначалу отрицавшая, что предложение это исходило от нее, впоследствии под нажимом русского правительства не только не стала оспаривать этого, но даже обещала «поступиться» не только Дербентом и Баку, но и Шемахой. Уступка городов предполагалась как компенсация за оказание русскими военной помощи сефевидам в войне с османами. Шах Аббас I же, вопреки установившемуся представлению о стремлении к заключению союза с Московским государством в войне против султанской Турции [24], в действительности стремился заключить мир с османами [25]. Проводя переговоры с Высокой Портой о прекращении войны и заключении мира, шах Аббас I одновременно продолжал заверять Московское государство, заинтересованное в продолжении османо-сефевидской войны, в намерении заключить с ним военный союз. Когда же подписание мирного договора между сефевидами и османами стало фактом [26], сефевидский двор стал убеждать правительство Бориса Годунова, что мир этот носит временный характер. И хотя в утверждении о временном характере мира с османами шах Аббас I был искренен, поскольку, как и рассчитывал, использовал мирную передышку для мобилизации сил и возобновления войны с османами, его отношение к Москве нельзя было назвать доверительным.

«Почему же шах Аббас, добиваясь заключения мирного договора с Турцией, все-таки вел разговор о военном союзе с Московским государством и

обещал ему за военную помощь в войне против турок отдать Баку и Дербент? Бушев предполагает, что «очевидно, потому лишь, что (шах Аббас. — *Г.Ф.*) хотел получить дополнительные козыри в трудных переговорах побежденного с победителем — Турцией. Тем более, что обещал отдать то, что не находилось в его руках» [27].

На наш взгляд, это предположение ошибочно, по меньшей мере потому, что и после заключения мира с османами, приняв его тяжелые условия, правитель кызылбашского государства все же продолжал придерживаться прежних заверений.

На наш же взгляд, шах Аббас I, проводя двойственную политику в отношении Московского государства, руководствовался иными соображениями. Дело в том, что русские власти, еще при царствовании Ивана Грозного начавшие политику экспансии и активного проникновения на юг, в условиях османо-сефевидской войны 1578—1590-х гг. целенаправленно добивались утверждения своего влияния в регионе Южного Кавказа. Реализуя свои планы в этом направлении, Московское государство добилось от кахетинского царя Александра II принятия русского подданства. Так, направленные в Грузию русские послы Биркин и Пивов от имени русского царя в сентябре 1587 г. привели к присяге царя Александра II, чтобы «ему и его детям со всею Иверскою землею быти в государеве жалованье под его царскою рукою» [28]. Кахетинские цари до подчинения их османами традиционно были вассалами сефевидского двора, поэтому сефевидские власти не могли оставаться равнодушными к факту принятия ими русского подданства.

Грузия была не единственным источником напряженности в русско-сефевидских отношениях. События, происходившие примерно в это же время в Гиляне, мятеж Ахмед-хана, его обращение к русской стороне за покровительством создавали угрозу повторения грузинского прецедента и в Гиляне. На реальность такой нежелательной для Сефевидского государства перспективы указывало то, что обращение Ахмед-хана за помощью нашло отклик у русских властей. Известно, что посол гилянского Ахмед-хана Хаджи Хасан, прибывший в Москву одновременно с послами от шаха Аббаса I Бутак-беком и Хады-беком в мае 1590 г. и «милостиво принятый в Кремле», вернувшись, доставил Ахмед-хану «благоприятные» вести (из Москвы. — *Г.Ф.*) [29]. «В Москве не могли отказать Ахмед-хану в признании де-факто», — пишет Бушев, объясняя это тем, что «от него (Ахмед-хана. — *Г.Ф.*) во многом зависело благополучие русско-иранской торговли, проходившей через Гилян» [30].

Вслед за Хаджи Хасаном «царь Ахмед-хан», как его именуют русские архивные документы, стремясь «заполучить себе покровителя в лице московского царя», и ища «спасения от неизбежной расплаты за свою измену» сефевидскому престолу, летом 1591 г. направил в Москву отдельное посольство во главе с видным гилянским купцом Тюркемилем. На приеме у царя Федора в мае 1592 г. он от имени Ахмед-хана просил царя Федора, чтобы он взял его под свое покровительство, «держал в своем жалованье и присылал к нему своих служилых татар так же, как и к бухарскому хану» [31]. В ответ на эту просьбу Тюркемилю от имени царя было заявлено: «Мы...гилянского Ахмета царя хотим держати в своем жалованье и пожалуем и учнем к нему посылать своих служилых татар» [32].

Таким образом, Москва, уже взявшая под свое «жалованье» Грузию, обнадеживающими обещаниями поддерживавшая сепаратистские настроения мятежного гилянского Ахмед-хана, кроме того, готовила также подчинение тарковского шамхала, на протекторат над которым претендовали сефевидские власти, а также добивалась добровольной уступки азербайджанских го-

родов. Каждый из перечисленных факторов при сохранении внешнего миролюбия в русско-сефевидских отношениях был чреват весьма серьезным конфликтом.

Однако Сефевидское государство, невзирая на источники напряженности, в отношении Москвы придерживалось достаточно сдержанной политики, поскольку в ситуации, когда государство вынуждено было противостоять враждебному окружению — османам на западе и шейбанидам на востоке — было крайне неразумно настраивать против себя еще и северного соседа. Шах Аббас I, избегая обострения отношений, при всех существовавших разногласиях избрал в отношении Москвы тактику дипломатического лавирования. Пытаясь на время нейтрализовать северного соседа, дабы обеспечить себе возможность укрепить позиции Сефевидского государства в конфликтных зонах, шах Аббас I до поры до времени внешне игнорировал или даже подыгрывал экспансионистским устремлениям русского правительства, используя их для реализации своих планов.

Сказанное в первую очередь относится к притязаниям русской стороны на азербайджанские города. Васильчиков, принятый шахом в Казвине, ссылаясь на грамоту шаха Худабенде и слова Хады-бека, произнесенные в Москве, об обещании уступить Московскому государству города даже в том случае, если шахские войска сами без помощи русской рати отвоюют их у турок, добивался от шаха Аббаса I ответа на вопрос: «и ты ныне, шахово величество, тех городов Дербени и Баки государю нашему поступаешься ли...?». Шах Аббас I ответил на это положительно, заметив, что «мы...брата своего, государя нашего, хотенье исполняем» [33], приписав тем самым инициативу русской стороне. Согласие сефевидской стороны на уступку городов, отраженное также в грамоте шаха Аббаса I, отправленной с Бутак-беком, можно расценить как дипломатическую отписку, рассчитанную на поддержание лояльных отношений с Московским государством в условиях неблагоприятных внутри- и внешнеполитических факторов.

В числе неблагоприятных факторов наиболее остро на тот момент стояла гилянская проблема. Опыт русско-сефевидских дипломатических сношений в рассматриваемый период дает возможность проследить, как в ходе урегулирования ситуации в Гиляне шах Аббас I, учитывая планы московского правительства в отношении этой области, искусно манипулировал вопросом уступки городов. Это вполне отчетливо иллюстрируют две дипломатические миссии, направленные сефевидскими властями в Москву — во главе с гонцом Каем в 1591 г. и купчиной Хаджи Хосровом в 1592.

Привлекает внимание тот факт, что гонец Кай был отправлен в Москву летом 1591 г., то есть примерно в одно время с Тюркемилем. На наш взгляд, отправка Кая в Москву была попыткой сефевидских властей отвлечь Московское государство от Гиляна, задействовав вопрос уступки городов. Во время приема в Посольском приказе Кай заявил, что шах уступает города Дербент и Шемаху, и чтобы русский царь прислал туда свои войска. Действуя по поручению шаха Аббаса I, Кай словно заманивал русских в Ширван, убеждая, что «места [эти] великие, а ныне стоят даровые, потому что людей в них мало, а от Терки всего днищ с пять» [34].

Возможно этой приманкой он пытался столкнуть русских с османами и отвлечь как тех, так и других от ситуации в Гиляне. Уместно также отметить, что предложение шаха московским властям не нашло письменного отражения в грамоте шаха Аббаса I, отправленной с Каем, а было передано последним на словах. Все это еще раз подтверждает, что шах Аббас I при реализации собственных планов всего лишь играл на притязаниях Москвы на вышеназванные города.

После урегулирования гилянской проблемы для сефевидской стороны не было причин продолжать дипломатическую игру с уступкой городов. Поэтому сразу же после успешного завершения похода в Гилян и восстановления здесь своей власти в мае 1592 г., шах Аббас I, направляя в Москву очередного своего посланника Хаджи Хосрова, выступившего в путь в мае 1592 г., то есть еще до возвращения гонца Кая, наделил его исключительно торговыми полномочиями. Что касается вопроса заключения антиосманского военного союза и уступки городов, то он ни в какой форме им не затрагивался. Кроме того, извещая московские власти о бегстве Ахмед-хана из Гиляна в Ширван, шах Аббас I обосновывал свое право на Гилян и спешил уведомить о восстановлении здесь своей власти. Во время аудиенции у Бориса Годунова сефевидский посланник заявил, что шах поручил ему известить московские власти, что «...Гилян у него, государя [35] место голдовное было, сидят на них посаженники государя нашего, и ныне был на Гиляне царь Ахмет, а посаженник был государя же нашего» [36]. Далее сообщалось, что Ахмед-хан стал ссылаться с османами, о чем стало известно шаху, и он приказал Ахмед-хану явиться к нему, но тот не поехал и тогда сам шах выступил в Гилян, а Ахмед-хан бежал к туркам. Шах Аббас посадил в Гиляне «своего ближнего человека Магмет Кули-хана» и велел известить об этом московские власти [37]. Таким образом, отправка к русскому царю Хаджи Хосрова имела целью уведомить московское правительство о восстановлении в Гиляне шахской власти, а также потребовать от русского двора выдачи сефевидским властям находившихся в Москве гилянских послов и их имущества.

Если для Сефевидского государства заключение с русскими антиосманского военного соглашения и связанный с ним вопрос уступки городов был всего лишь дипломатической игрой, то русская сторона была настроена решительно и, видя уклончивость казвинских властей, перешла к более решительным шагам. В 1595 г. русский двор отправил к шаху весьма представительное посольство в составе 75 человек с конкретной целью: добиться от шахского двора заключения военного соглашения. Первым послом был назначен представитель старой родовитой семьи, «воевода и наместник арзамаский» князь Василий Тюфякин, а вторым — дьяк Семен Емельянов, оба в ранге «великих послов». Помимо традиционных грамот от царя Федора Ивановича и Бориса Годунова на имя шаха Аббаса I, а также грамоты от Бориса Годунова к новому правителю Гиляна Ферхад-хану, послы везли еще и проект антиосманского военного соглашения между Московским и Сефевидским государствами. О том, как велико было желание русской стороны добиться, наконец, от Сефевидов заключения антиосманского союза и уступки городов говорит тот факт, что вышеназванный проект был составлен русской дипломатической службой не только от имени царя Федора под названием «Докончальная грамота — государево слово», но и от имени сефевидского шаха под названием «Докончальная грамота шах Аббасово слово». Проект военного соглашения, в котором обговаривались детали будущего военного союза, обязывал шаха Аббаса I отвоевать у турок в союзе с русскими войсками захваченные города и уступить Москве Дербент, Шемаху и Баку и после этого «великому государю Аббас шахову величеству в те городы не вступатися» [38].

Зная об уклончивости шаха Аббаса I в данном вопросе, русское правительство в специальном документе под названием «Наказ послам» [39], которым неизменно снабжались послы (в случае с посольством Тюфякина этот наказ был особенно увесистым и подробным из-за важности возложенной на него миссии) оговаривало всевозможные детали того, как действовать русским послам, добиваясь от шаха Аббаса I подписания «докончальной грамо-

ты». Русская сторона предусмотрела все возможные варианты с тем, чтобы исключить всякое ухищрение со стороны сефевидского шаха. Так, в числе прочих было предписание русским послам о том, что когда «большое дело» совершится, то есть шах Аббас I согласится подписать «докончальную грамоту» и велит русским послам написать присланный царем текст грамоты «татарским письмом», то им не следует исполнять это. Отговорившись тем, что татарский переводчик умер в дороге, а другой плохо знает по-персидски, поручить перевод грамоты сефевидской стороне при условии, чтобы перевод был осуществлен «по татарски или по фарсовски прямо с того списка, каков список дан им (сефевидским властям. — *Г.Ф.*) на образец, слово в слово, а прописки б и хитрости ни в чем не было. А будет в чем прописка в каком деле мимо того списка, каков они дадут по русски, или в чем какая хитрость будет, и то дело будет не в дело, и правда не в правду» [40]. Тем самым русская дипломатическая служба пыталась избежать в будущем возможных отговорок и ссылок на неправильный перевод, если бы он был осуществлен русской стороной.

Докончальные грамоты царя Федора и шаха Аббаса I, в которых впервые в письменном виде зафиксирована претензия Русского государства на город Шемаху, обговаривали также и торговые отношения между двумя государствами. Пытаясь добиться от шахского двора подписания этого проекта, русские власти отводили главе Сефевидского государства весьма пассивную роль, заключавшуюся только в том, чтобы перевести его на «татарский» или «фарсовский» язык и приложить печать. Причем «Наказ послам», подробно инструктировавший послов относительно того, как добиться подписания этого документа шахом, содержал и детали приложения шахской печати, как видно, во избежание будущих отговорок. Отдельно послы были проинстуктированы насчет того, как действовать в случае, если шах или его окружение начнут утверждать, что Хады-бек «говорил о соединенье и о укрепленье не по шахову приказу, а затеяв собою» [41].

Однако печальная судьба, постигшая русскую делегацию, перечеркнула старания русской дипломатии. Ввиду гибели послов Тюфякина и Емельянова, когда просто некому было «править посольство» перед сефевидскими властями, оставшиеся члены русской делегации решили, что в такой ситуации лучше не вручать сефевидским властям привезенные грамоты. Таким образом, невзирая на требования шахских представителей, члены русской миссии утаили от них «докончальные грамоты».

Анализ русско-сефевидских дипломатических сношений в конце XVI — начале XVII века свидетельствует, что обещания сефевидской стороны об уступке городов во-первых, были юридически безосновательными, поскольку в указанный период города эти находились под властью османов, и Сефевидское государство было неправомочно распоряжаться ими; во-вторых, были не более чем дипломатическим маневром, предпринятым сефевидской стороной в ответ на притязания Московского государства; в-третьих, были несостоятельными уже потому, что для обсуждения столь серьезных вопросов как заключение антиосманского союза и связанный с ним вопрос об уступке городов, требовалась отправка со стороны Сефевидов представительного посольства, чего неоднократно требовала и русская сторона. Однако в указанный период в числе прибывших к московскому двору представителей Сефевидского государства не было ни одного чиновника в ранге посла. Хады-бек, как уже отмечалось, происходил из купеческой гилянской семьи, Бутак-бек был птичником шаха, Кай был всего лишь гонцом без каких-либо прав на ведение дипломатических переговоров, Хаджи Хосров был купчиной. В ответ на посольство князя А.Д.Звенигородского, отправленного ко двору шаха

Аббаса I в ранге посла (1594—1595) в Москву был отправлен Пакизе Имам Кули-бек (1596—1597), о котором «известно лишь, что он был незначительной фигурой» и имел малый чин. Документов, связанных с миссией Пакизе Имам Кули-бека в русских архивах не сохранилось, но, как полагает Бушев, «трудно полагать, что шахский двор, посылая такого ординарного чиновника в Москву, поручил ему важное и серьезное дело». В ответ же на великое посольство Тюфякина и Емельянова шах отправил в Москву Пер Кули-бека, человека заурядного и рядового чиновника шахского двора, что вызывает сомнение относительно важности посольства [42].

Таким образом, можно утверждать, что вопрос передачи азербайджанских городов Московскому государству был дипломатично использован шахом Аббасом I в реализации собственных планов, которые в действительности не предполагали добровольную уступку этих городов другому государству. «Очевидно, он (шах Аббас. — *Г.Ф.*) не очень полагался не только на далекую и незнакомую Европу, но и на ближе расположенную Москву и надеялся лишь на себя и на кое-какую помощь со стороны Московского государства по охране границы на Тереке» [43].

Считаем своим долгом отметить, что при написании данной работы мы часто апеллировали к книге Бушева, основывались на соображениях и выводах автора, многие из которых считаем вполне обоснованными. Вместе с тем, несмотря на отдельные справедливые замечания и суждения, которые практически подводят читателя к мысли о том, что вопрос уступки городов был одним из компонентов сложного комплекса русско-сефевидских взаимоотношений, в частности, в гилянской проблеме, и был использован шахом Аббасом I как дипломатический ход с целью отвести потенциальную угрозу, которая могла исходить со стороны как османов, так и русских, автор в силу тех или иных причин все же не высказывает этого суждения открыто. В представленной работе мы попытались устранить этот пробел, дав на сей счет свое представление.

Политика шаха Аббаса I в вопросе заключения военного союза с Московским государством на условии уступки городов весьма показательна с точки зрения оценки деятельности этого незаурядного кызылбашского правителя. Это является яркой иллюстрацией той характеристике, которая была дана деятельности шаха Аббаса I его придворным историком Искендер-беком Мюнши и на которую ссылается в своей статье известный канадский исследователь истории Сефевидского государства Роджер Сэйвори. Отдавая должное полководческому таланту шаха Аббаса I как «блестящего стратега и полевого командира», и сравнивая его с Юлием Цезарем в манере «добиваться превосходства (на поле боя. — *Г.Ф.*) благодаря внезапности нападения в результате форсированного марша малыми силами», Сэйвори со ссылкой на Искендер-бека Мюнши, отмечает, что главными среди причин его почти безпроигрышной серии военных успехов были осторожность и предусмотрительность. «Если шах Аббас мог добиться цели дипломатическим путем лучше, нежели военным, он предпочитал использовать мирные средства и был готов выжидать годами для достижения поставленной задачи» [44].

Благодаря своему политическому чутью сефевидскому правителю со временем удалось разрешить в свою пользу практически все конфликтные вопросы, существовавшие в отношениях с северным соседом, в том числе отвести его притязания на азербайджанские города, не вступая при этом в конфронтацию.

1. ЭФЕНДИЕВ О.А. Азербайджанское государство Сефевидов. Баку. 1981, с. 198; РАХМАНИ А.А. Азербайджан в конце XVI и в XVII веке. Баку. 1981, с. 35.
2. SAVORY R. Iran under the Safavids. L.-N.Y. 1980, p. 76.
3. МАХМУДОВ Я.М. Взаимоотношения государств Аккоюнлу и Сефевидов с западноевропейскими странами (II половина XV — начало XVII века). Баку. 1981, с. 188, 189.
4. КАРАМЗИН Н.М. История Государства Российского. Сочинение Н.М. Карамзина. III,X,I, с. 41; БУШЕВ П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586—1612 гг. (по русским архивам). М. 1976, с. 58.
5. БУШЕВ П.П. Ук. соч., с. 63.
6. Там же, с. 58, 59; БЕЛОКУРОВ С.А. Сношения России с Кавказом. 1578—1613. М. 1889, с. 563.
7. Очевидно Бушев хотел написать: «в упоминаемой Белокуровым грамоте шаха», поскольку сама грамота, как уже отмечалось, не сохранилась.
8. БУШЕВ П.П. Ук. соч., с. 58, 59.
9. Это был второй приезд Хады-бека в Москву. Всего в качестве представителя Сефевидского государства он четырежды побывал при московском дворе.
10. БУШЕВ П.П. Ук. соч., с. 63.
11. Так, Соловьев писал относительно посольства Хады-бека, что «шах Годабенд (Ходабенде) из-за военных неудач предложил в 1586 г. военный союз русскому царю», обещая за это отдать Баку и Дербент, «даже если и сам [шах] возьмет их у турок». См.: СОЛОВЬЕВ С.М. История России с древнейших времен. М. 1961, с. 279. Авторы книги «История Ирана...» отмечают, что «правительство царя Федора Ивановича добивалось формального подтверждения этой уступки...», от чего «посол шаха Аббаса I Хади-бек уклонялся», но «наконец, получил от шаха полномочия дать письменное обязательство». Но авторы данного издания также не дают ссылок на источник, поэтому достоверность этого свидетельства также сомнительна. См.: ПИГУЛЕВСКАЯ Н.В., ЯКУБОВСКИЙ А.Ю., ПЕТРУШЕВСКИЙ И.П., СТРОЕВА Л.В., БЕЛЕНИЦКИЙ Л.М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Ленинград. 1958, с. 271, 272. РАХМАНИ пишет: «Еще до заключения мирного договора 1590 г. с Турцией Аббас I отправил своего уполномоченного посла Хади-бека в Москву, которому было поручено организовать выступление обоих государств против османов в Закавказье. Шах обещал за такую помощь отдать Московскому правительству Дербент и Баку». См.: РАХМАНИ А.А. Азербайджан в конце XVI и в XVII веке. Баку. 1981, с. 64.
12. БУШЕВ П.П. Ук. соч., с. 136; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1. СПб. 1890, с. 210.
13. Ответная полата — помещение, где иностранному послу бояре давали ответ на его предложение.
14. Памятники, с. 136; БУШЕВ П.П. Ук. соч., с. 59.
15. Там же, с. 137.
16. Там же, с. 65, 66.
17. Там же, с. 64.
18. Там же, с. 85.
19. В 1533 г. мятежный владетель Гиляна Бийе-пас эмир Дубадж во главе 8-тысячного войска перешел на сторону вторгшегося в Южный Азербайджан султана Сулеймана Кануни, но вскоре был схвачен и казнен по приказу шаха Тахмасиба I. См.: БАКИХАНОВ А. Гюлистани-Ирам. Баку. 1991, с. 97.
20. ГЕЙДАРОВ М.Х. Торговля и торговые связи Азербайджана в позднем средневековье. Баку. 1999, с. 67.
21. Там же, с. 60.
22. БУШЕВ П.П. Ук. соч., с. 97.
23. Устаревшее значение слова «безделье», соответственно «бездельничать» — мошенничать, обманывать, плутовать. См.: Словарь современного русского литературного языка, т. I. М.-Ленинград. 1948, с. 336; Памятники.., с.44.
24. ГУСЕЙНОВ А.Н. Азербайджано-русские отношения XV—XVII вв. Баку. 1963, с. 116.
25. Этот факт неоднократно отмечается Бушевым: «Шах заставил Васильчикова ждать приема целых полгода, показывая, что не очень стремится к быстрейшей встрече с ним»; «Главное, чего добивался шах Аббас в 1589 г., было не заключение военного союза против Турции, а прекращение войны и подписание мирного соглашения с ней». См.: БУШЕВ П.П. Ук. соч., с. 100, 101.
26. В марте 1590 г. между Османской империей и Сефевидским государством был подписан Стамбульский договор.
27. БУШЕВ П.П. Ук. соч., с. 107.

28. http://annals.xlegio.ru/rus/zimin/zim6 04.htm.
29. БУШЕВ П.П. Ук. соч., с. 138, 149, 151.
30. Там же, с. 125.
31. Там же, с. 149—151, 153.
32. Памятники.., с. 155.
33. Там же, с. 110.
34. Там же, с. 162; БУШЕВ П.П. Ук. соч., с. 168.
35. В выражении «Гилян у него государя место голдовное было» Веселовский, под «государем» подразумевает почему-то не шаха Аббаса I, а «гилянского государя», внося на сей счет соответствующее пояснение. См.: Памятники... с. 187. Однако данное уточнение представляется ошибочным, если учесть, что устаревшее слово «голдовник» (соответственно «голдовный») означает «поселенец на чужой земле; хозяин, зависящий от владельца; род пожизненного или наследственного арендатора; ленный вассал». См.: ДАЛЬ В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М. 1955, с. 366.
36. Памятники.., с. 187.
37. Там же, с. 187, 188.
38. Там же, с. 372.
39. «Наказ» послам, как отмечает Бушев П.П., был вторым по важности, но очевидно первым по секретности документом русского посольства. Это была подробнейшая инструкция не только о задачах посольства, но и о том, как их выполнять. Весь дипломатический церемониал подробно излагался в наказе. БУШЕВ П.П. Ук. соч., с. 4.
40. Памятники.., с. 370, 371.
41. Там же, с. 355.
42. Там же, с. 267, 344.
43. Там же, с. 341.
44. SAVORY R. Studies on the History of Safawid Iran. L. 1987. XII «Very dull and Arduous Reading». A Reappraisal Of The History of Shah Abbas The Great By Iskandar Beg Munshi, p. 29, 30.